

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. С. ПЕТРОВСКИЙ, Звуковые знаки египетского письма как система, отв. ред. Д. А. Ольдерогге, М., «Наука», 1978, 174 стр., 6 табл., тираж 2300 экз.

Как известно, египетские иероглифы дешифровали более полутора столетия назад. Было определено, что среди них имелись знаки, передававшие звуки, и идеографические знаки. В дальнейшем оказалось, что египтяне не отмечали на письме гласных, а их фонограммы передавали только согласные: один, два и три. Стала очевидной сложность египетского письма для исследования, отсюда закономерный интерес к нему со стороны ученых многих профилей и специальностей. Регулярно выходят более или менее удачные общие обзоры иероглифической письменности и немногие специальные работы, в которых изучаются отражение знаками-рисунками действительности, их отдельные звуковые и семантические соответствия, графическая эволюция формы знаков и т. д.

Совершенно новый, неожиданный и оригинальный подход к древнему письму Египта предлагается в рецензируемой книге Н. С. Петровского: автор изучает египетские звуковые знаки с позиции современной теории систем, используя предложенный им строгий метод исследования.

Рецензируемая книга состоит из введения, четырех глав (глава I — «Изучение системы (подсистемы) звуковых знаков до системного подхода»; глава II — «Цели и задачи изучения системы (подсистемы) звуковых знаков с точки зрения системного подхода»; глава III — «Внутренняя форма организации системы звуковых знаков»; глава IV — «Внешняя форма организации системы звуковых знаков (характер фонограмм)») и заключения.

Следует подчеркнуть, что в книге Н. С. Петровского научному рассмотрению подвергнуты не идеограммы, а именно звуковые знаки. Автор отходит от традиционных представлений о египетских фонограммах как о механической сумме знаков, вступавших между собой во внешний контакт лишь в процессе письма, и впервые ставит вопрос, представляли ли эти фонограммы разного состава определенную систему, в которой между знаками существовала некоторая внутренняя связь. Эта первая проблема, которой посвящена рассматриваемая монография.

До сих пор большие затруднения были связаны также и с ответом на вопрос, с какой единицей речевого потока следует соотносить одно-, дву- и трехгласные фонограммы. Поэтому возникла необходимость выяснить, чем являлись эти фонограммы по своей природе. Такова вторая проблема, поставленная автором.

Разрешение указанных выше проблем Н. С. Петровский начинает с выяснения самой возможности применения термина «система» к египетскому письму и доказывает, что оно соответствует требованиям, предъявляемым к системе (стр. 60—63). Что касается современного системного подхода к изучаемому объекту, то в книге используются лишь некоторые его принципы. Например, принцип иерархичности позволяет представить общую систему египетского письма как состоящую из подсистемы звуковых зна-

ков и подсистемы идеографических знаков. Интересующие нас фонограммы в свою очередь состоят из трех подсистем (одно-, дву- и трехсогласные знаки), компоненты которых — далее неделимые знаки письма.

Использование принципа иерархичности дает возможность автору графически изобразить концептуальные модели египетской письменности, которых придерживались ведущие египтологи с момента возникновения египтологии (см. первую главу), а также выдвинуть собственную чрезвычайно убедительную модель (стр. 65).

Если вернуться к основной проблеме, т. е. к изучению звуковых знаков, то автор использует еще один принцип системного подхода: при изучении системы он считает необходимым рассматривать не только связи между ее компонентами, но и между атрибутами компонентов. Но так как атрибутами египетских фонограмм являются передаваемые ими согласные, то решение проблемы зависит от выяснения связей и отношений между согласными во всех фонограммах.

Далее перед автором возникла задача поиска метода мысленного анализа звуковых знаков, который бы не только фиксировал их атрибуты, но и наглядно устанавливал внутренние связи между этими атрибутами. Следует неожиданное предложение изучать все фонограммы с помощью системы прямоугольных координат на плоскости, имея в виду их свойство отражать функциональную зависимость между двумя величинами. С этой целью каждая из двух координатных осей делится на 24 равных отрезка (по числу односогласных знаков, или «алфавита», условная последовательность которого определена), через точки пересечения этих отрезков с осями проводятся параллельные обеим осям прямые и строится двусогласная координатная сетка из 576 квадратов (24^2). Затем координатная сетка заполняется конкретным материалом, при этом фонограммам не навязывается никаких свойств, например звукового значения, а только регистрируется место их атрибутов (передаваемых согласных) относительно друг друга.

Прежде чем заполнить координатную сетку, надо было решить, как абстрактно расчленить фонограммы. Естественно, такой проблемы не существовало для двусогласных знаков, однако сложнее обстояло дело с трехсогласными знаками. Не вдаваясь в детали, отметим, что и в данном случае автор нашел выход из трудного положения. Он на практике использует тот факт, что сами египтяне при написании слов могли заменять трехсогласные знаки либо двусогласным и односогласным знаками, либо односогласным и двусогласным знаками. Так появилась возможность для расчленения трехсогласных знаков. Односогласные знаки расчленить было нельзя, поэтому предлагается рассматривать их по координатным осям, с точки зрения образования ими двусогласных звеньев.

До заполнения координатной сетки автору пришлось проделать колоссальную подготовительную работу, чтобы выделить из текстов все встречающиеся в них фонограммы. Прodelать эту работу нужно было и потому, что до сих пор определено точное количество лишь односогласных знаков, по поводу же числа дву- и трехсогласных знаков высказывались различные суждения. По вполне аргументированным подсчетам автора общее число фонограмм равнялось 357 (в два раза больше, чем считалось раньше). Но в связи с существованием полифоничных знаков древним египтянам приходилось иметь дело примерно с 300 фонограммами, разными по внешнему виду. При этом нельзя не упомянуть о выведенных Н. С. Петровским соотношениях в виде несложных уравнений между общим числом фонограмм, числом фонограмм, разных по внешнему виду, числом полифоничных знаков и числом передаваемых полифоничными знаками консонантных комплексов (стр. 80—81). Эти формулы являются одним из доказательств правомерности подхода к звуковым знакам как к системе. Они полностью подтверждают точность статистического материала автора и дают возможность определить, к какому виду относится тот или иной вновь найденный знак.

Необходимо обратить особое внимание на таблицы I—V, составленные Н. С. Петровским по методу прямоугольных координат. Они потребовали от автора огромного труда и оказались крайне необходимыми. Ведь одно только полное описание того, что в них содержится, заняло бы ного сотен страниц, а в монографии текст лишь дополняет таблицы, обращая внимание на самое существенное.

Приведенные в книге таблицы показывают, что все фонограммы обладали способностью передавать двусогласные звенья. Сравнение этой способности у фонограмм различного состава явилось в конечном итоге ключом к решению основной проблемы.

В целом оказалось, что при передаче двусогласных звеньев фонограммы не просто сосуществовали рядом, а восполняли и дублировали друг друга, т. е. динамически отражали последовательность согласных на письме. Например, двусогласные знаки не передавали двусогласные звенья *с f* в качестве второго согласного, однако в языке такие звенья имелись, и их можно было передать при помощи некоторых односогласных и трехсогласных знаков. Двусогласные звенья *с h* в виде второй согласной нельзя было выразить ни двусогласными, ни трехсогласными знаками, а только односогласными и т. д. (см. табл. VII на стр. 108—119 и табл. V на стр. 105).

Таким образом, Н. С. Петровскому удалось вскрыть далеко не самоочевидный порядок в системе египетских фонограмм. Он приходит к выводу, что внутренней формой организации фонограмм была «динамическая восполнительная и дублирующая функция трех видов звуковых знаков при передаче двусогласных звеньев» (стр. 124).

Итак, метод абстрактного анализа звуковых знаков на плоскости, без сомнения, оправдал себя. Здесь уместно сказать, что исследователь любого языка или системы письма имеет право на свой метод исследования, но всегда интересно знать, в каком отношении данный метод находится к представлениям, хотя бы подсознательным, носителей языка или системы письма. В этом отношении особый интерес представляет раздел книги «Представляли ли египтяне внутреннюю форму организации системы звуковых знаков своего письма?» (стр. 128—132). На этот вопрос автор отвечает положительно и показывает на примере классификации египтянами своих звуковых иероглифов (и даже способа запоминания букв алфавита коптами), что носители языка располагали звуковые знаки, учитывая два согласных. Это не только блестящее подтверждение правильности предложенного автором метода исследования, но и указание на еще более глубокое языковое явление, лежавшее в основе системообразующего фактора письма: исконный двурадикальный корень семито-хамитских языков (ср. стр. 70, прим. 3).

Остановимся еще на сводной таблице двусогласных звеньев (табл. V). Таблица наглядно показывает, что из 576 теоретически возможных двусогласных звеньев в координатной сетке практически могло быть выражено лишь 461 звено. Для остальных 115 звеньев остались свободные квадраты — «белые пятна». Констатация «белых пятен», т. е. установление невозможности близкого соседства некоторых согласных в египетском языке и тем самым каких-либо знаков для их выражения, является одним из самых значительных результатов исследования Н. С. Петровского. Это, пожалуй, самое яркое свидетельство того, как абстрагирование от конкретных свойств звуков при решении всей проблемы вылилось в чисто конкретный и практический результат.

После определения внутренней организации системы фонограмм автор ищет ответ на вопрос, с какой единицей речевого потока их следует соотносить, т. е. обращается к одному из важнейших моментов внешней формы организации системы звуковых знаков.

Н. С. Петровский на этот раз лингвистическим путем показывает, что звуковые знаки по своей природе не могут быть ни фонемами, ни слогами, ни словами. С точки зрения членения речи древними египтянами такой единицей могла быть только низшая значимая единица — морфема. Таким образом, генетически одно-, дву- и трехсогласные знаки были связаны с существованием в египетском языке одно-, дву- и трехсогласных морфем, сами же знаки являлись графемами, передававшими консонантный состав морфем, т. е. консонантными морфографемами. Поэтому, строго говоря, свое исследование автор мог бы расширенно озаглавить «Звуковые знаки египетского письма как система консонантных морфографем».

Такую систему звукового письма, передававшую не отдельные фонемы, а фонемы в фиксированном порядке в составе морфем, можно отнести к особому виду письма — морфемному, а если учесть отсутствие гласных на письме, — к консонантно-морфемному. В целом же египетское письмо, состоявшее не только из звуковых знаков, но и из идеограмм, автор определяет как консонантное морфемно-идеографическое письмо.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что в результате изучения звуковых знаков как системы Н. С. Петровский ввел в науку до сих пор оставшийся неизвестным вид письма — консонантный морфемно-идеографический. Это открытие представляет необычайный интерес для истории развития письма вообще, так как восстанавливает одно из возможных звеньев его развития, и, по-видимому, заставит пересмотреть взгляды на некоторые древние системы письма.

Завершает работу классификация древнеегипетских звуковых знаков, которую прежде невозможно было себе и представить. В табл. VI впервые египетские фонограммы упорядочены не по внешнему виду, а по звуковому принципу, как бы иллюстрируя мысль автора о преобладании звукового начала в египетском письме, которое «было своеобразным звуковым письмом, дополненным в изобразительном отношении» (стр. 147).

Разумеется, в нашей рецензии неполностью освещено содержание книги Н. С. Петровского. Мы, например, ничего не говорим о первой главе, посвященной истории развития представлений о египетском письме и имеющей самостоятельное значение. Важное значение для египтологии имеют и другие затронутые автором проблемы (выяснение роли египетского «алфавита», взаимодействие египетской фонологической системы с иноязычными системами и т.д.). Используемый в книге метод исследования (система прямоугольных координат на плоскости) отличается простотой, наглядностью и доказательностью и может быть с успехом использован лингвистами, историками письма или дешифровщиками при определении того, что представляет собой описываемая или дешифрованная письменность, т. е. системой каких знаков она является. Но самое главное заключается в том, что Н. С. Петровский доказал существование строгой системы в египетском письме, его единство и, как пишет научный редактор книги чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге, «тем самым открыл для дальнейших исследований новые пути, а именно в этом и заключается развитие науки» (стр. 4).

И. В. Виноградов, Р. А. Грибов